

Предисловие к первому изданию

Эта книга была написана в славном городе Перми летом 1988 года всего за 45 дней (и ночей). Потом пару месяцев рукопись печаталась на машинке в «Бюро добрых услуг». Потом я размножил листы в одной солидной нефтяной организации (на весь миллионный город было всего с десяток мощных копиров, но мне повезло - тогда как раз отменили их обязательную регистрацию в ГБ и жесткий контроль за «посторонними» ксерокопиями), красиво переплел два тома книги и начал рассыпать их в различные толстые журналы.

Естественно, через некоторое время красивые тома мне были возвращены с коротенькими приписочками от редакций: «Спасибо, не подходит, не отчаивайтесь, дерзайте, желаем новых творческих успехов». А из журнала «Урал» пришло разгромное письмо на трех машинописных страницах плотного текста. Рефрен был примерно такой: «Ну и гадость же ты написал! И мерзость! И все это совершенно беспомощно и антихудожественно! А главный герой совершенно отвратителен! И никакой он вообще не герой!».

Ого, подумал я – значит, заело. И дал почитать книжку нескольким неглупым людям. Люди сказали: «Если ты это опубликуешь, то будет настоящая бомба! Но ты это не опубликуешь».

Люди, как всегда, оказались правы. Ни стране, ни мне было не до книг. Рукопись пролежала «в столе» 18 (!) лет (я и думать-то о ней почти забыл), а потом, достигнув призывного возраста, подверглась придирчивому редактированию.

Вот, читайте.

17 января 2008 года

Предисловию ко второму изданию

Первое издание «Дедушки...» вышло в Перми в начале 2008 года мизерным тиражом, на средства автора. Ружье, висевшее на стене почти два десятилетия, наконец, выстрелило. Увы, этот выстрел мало кто услышал – и тираж невелик, да еще и книготорговая фирма, взявшаяся за реализацию издания, успешно обанкротилась, не дожидаясь всеобщего кризиса.

Сейчас, конечно, запал посильнее, да и у меня литературного опыта немного прибавилось, в связи с чем я решил провести «апгрейд» рукописи: сделал общую редактуру и добавил к основному тексту краткий глоссарий – расшифровку армейских аббревиатур, терминов, идиом и прочих вербальных примет позднесоветского периода (некоторые из них, признаюсь, стерлись и из моей памяти – все ж таки почти четверть века прошло).

Читайте на здоровье.

9 июля 2009 года

Метель

Военнослужащие действительной срочной службы имеют обыкновение издавать во сне самые разнообразные звуки - стоны, крики, несвязные обрывки слов, могучий храп, глухое бульканье, грудное клокотание, судорожные всхлипы, урчание диафрагмы, сипение носоглотки, и, чего уж греха таить, хлопки метеоризмов.

Рядовой Игорь Константинович Полторацкий никаких звуков не издавал, ибо бодрствовал. Обычно в это время, глубокой ночью, кубрик¹, за редким исключением, замирал. Бывали, конечно, авралы, тревоги и сверхнормативные гонки, но сегодня все проходило по плану – последний карась вернулся с трудовой вахты около двух часов ночи и сейчас, сжавшись в комочек под жидким одеялом на койке второго яруса, пребывал почти в коматозном забытье. Впрочем, это не мешало ему время от времени вздрагивать всем телом и, поскуливая, мелко сучить захолодевшими ногами.

Трехэтажная казарма спала. «Отдыхали лежа, без сапог, со снятым поясным ремнем» свободные от нарядов военнослужащие солдатского и сержантского составов, дрыхнула измотанная камбузная команда, «отрабатывали сон-тренаж» дневальные на тумбочке, «давили на массу» дневальные за дежурных, подняв воротник шинели и касаясь носом тумблера громкой оперативной связи, «мочил харю» дежурный по полку. Люди восстанавливали силы, поистраченные за тяжелый, длинный, серый и невзрачный армейский денек – отчасти рационально-деловой, отчасти идиотско-бестолковый.

Игорь еще вечером почувствовал желание уединиться, собраться с мыслями, и вышел прогуляться. На вечерней поверхке дежурный по роте, видя отсутствие Полторацкого в строю, скромно обошел его одиозную фамилию молчанием, а старшина «не заметил» описанного пропуска. Такая ситуация часто повторялась в последние недели. Прогулка перед сном – далеко не самая вредная привычка казарменного бугра, и особенно заострять на ней внимание действительно ни к чему.

После прогулки и отбоя Игорь крепко и безмятежно заснул, спал без сновидений, а теперь почему-то проснулся со смутной тревогой. Развеять тревогу он решил холодным северным ветром, ввиду чего оделся и вышел из казармы. На улице была классическая февральская заполярная погода – «тридцатчик» с метелью. После очередного сильного порыва ветра Игоря чуть не сбило с ног. Мороз пробирал до костей, мешал сосредоточиться. Хотелось спокойно подумать о чем-то важном, но мысли сбивались на второстепенные вещи.

Возле котельной копошились солдатики. Работа у них была важная, жизнеобеспечивающая – бомбить ломом замерзшую груду угля, кидать куски в тачку, завозить ее в кочегарку, сваливать груз у топки. Сто пятьдесят тачек

¹ Если вы не понимаете какого-то слова, весьма вероятно, что оно найдется в Глоссарии.

– и всю ночь казарма может спать относительно комфортно: 10 градусов Цельсия ей обеспечено.

- Как служба, бойцы?
- Служба медом, Игорь!
- Молодцы, военные!
- Рады стараться!
- Вольно! Расслабиться, оправиться, курить! Сколько сделали?
- Примерно половину.
- Медленно работаете. Почему вас трое? Где четвертый?
- Черпак Мельников в кочегарке.
- Сюда его!

Вышел разомлевший Мельников. Он был в одном кителе – пригрелся, значит. Незлобивый взгляд Игоря скользнул по дородной фигуре черпака, его туповатой физиономии, пухлым щекам со следами повидла.

– Что происходит, Мельников? Твои товарищи пашут, а ты кайф ловишь?

– Так... это... вроде... По уставу не положено! – заученно выпалил Мельников чрезвычайно популярную среди черпаков фразу.

– Ах, вот оно что! Объяснением удовлетворен.

Окончание длинного слова совпало с легким движением Гошиной руки. Черпак молча согнулся, хватая губами морозный воздух. Последовавший удар ногой в живот опрокинул его на кучу угля.

– Встать!

Мельников, кряхтя, поднялся в четыре приема.

– Народ в казарме мерзнет, поэтому на работу даю час. Сто семьдесят тачек. Впрочем, можно и больше – не ограничиваю. Лично долбишь эту кучу, от лома практически не отрываешься!

Мельников вырвал у близстоящего бойца увесистый "карандаш" и стал конвульсивно крошить угольную гору. Полторацкий пошел в кочегарку. Два дежурных кочегара рубали в подсобке. На небольшом обитом kleenкой столике стоял чайник, рядом – ломти белого хлеба, сахар–рафинад, кружочки масла, банка повидла.

– Расселись, п...юки, а кто печь топить будет? А ну-ка брысь отсюда!

Один из кочегаров направился к топке. Второй продолжал сидеть.

– В чем дело?

– А сейчас его очередь уголь шуровать!

– Что ты сказал?

Кочегар не стал повторять сомнительный тезис, поднялся и вышел.

Гоше нравилась эта комната в котельной. Днем здесь дежурила Надя, жена прaporщика Колесника. В самое первое свое дежурство она привела помещение в порядок и с тех пор постоянно поддерживала здесь идеальную чистоту, которую не могли нарушить даже два ее замурзанных сменщика. Игорек частенько наведывался к мадам Колесник в гости - одесситка Надя была приятной и остроумной собеседницей. Впрочем, не только собеседницей. Еще четыре месяца назад Игорек склонил Надежду к

супружеской измене (надо сказать, что изменница сопротивлялась вяло), и с тех пор они регулярно совокуплялись.

Игорь сел на скамью, оперся локтями о столик и вперился взглядом в большое цветное фото какой-то полуголой девчонки. Он должен подумать о чем-то важном... О чем? Красотка с умело подчеркнутыми формами отвлекала от мыслей. Да и обстановка не способствовала мыслительному процессу: теснота, жара, духота.

На полке лежала растрепанная книжка – из тех, что Надя читала на дежурстве. Гоша взял томик в руки. Гюстав Флобер, "Воспитание чувств". Полторацкий был начитанным человеком, знал и "Госпожу Бовари", и "Саламбо", но эту книгу видел впервые. Рассеянно пролистав страницы, Игорь незаметно для себя начал читать с середины.

Читая, Полторацкий, как правило, не замечал ни времени, ни происходящего вокруг. Читал он очень быстро и почти ничего из прочитанного впоследствии не забывал. При этом Игорь очень не любил, когда его отвлекали от любимого занятия. «Полторацкий читает», - шепотом неслось по кубрикам и в казарме сразу становилосьтише.

Незаметно прошло больше часа. Полторацкий оторвался от книги и выглянулся из комнаты. Кочегары дремали. В топке бушевал яркий белый огонь. Куча угля выросла метра на полтора. Гоша вернулся в казарму, где было теплее, чем обычно, лег в койку и попытался заснуть, но сон не шел.

"Неужели бессонница? – подумал Полторацкий. - Интересное дело, раньше за мной этого не замечалось».

За окнами бушевал снежный круговорот. Метель усилилась и сейчас бесперебойно кидала в стекла пригоршни мелкого снежного песка. Вой ветра отчетливо слышался в кубрике, и, смешиваясь с характерными казарменными звуками, создавал неприятный звуковой фон. Игорь нажал на подсветку и посмотрел на часы: полчетвертого ночи. Два с половиной часа до подъема.

Глава I

Июнь-октябрь

Готов к труду и обороне

Учебка была "детским садом". Безусловно, отдельные стороны армейской жизни воплощались в ней стопроцентно (как известно, кто в учебке не бывал, тот службы не видал), и все же... Занятия проходили по преимуществу в классах, распорядок дня соблюдался с точностью до минут. Дедовщина, пьянство, наркомания, самоволки, неустановняк – ничего этого здесь не было.

Итак, учебка, школа младших авиационных специалистов, сокращенно - ШМАС. Тысяча духов, тридцать застаревших бойцов из взвода обеспечения, столько же сержантов и сотня офицеров и прaporщиков, компактно сосредоточенных на территории бывшего владения какого-то оборотистого купца-промышленника. В центре - большое пятиэтажное здание (здесь - казармы), по всему периметру, как крепостная стена - двухэтажка (здесь - все остальное). За воротами - учебный аэродром и свалка.

Как ни странно, Полторацкий вспоминал учебку со смутной благодарностью. Правда, было от чего и содрогнуться. Например, первый день службы - самый длинный, самый тяжелый, самый памятный. Еще бы - до обеда ты еще гражданский человек, в цивильной одежде, с сумочкой "Крым" на плече, а после...

...Стоит на плацу, под жарким летним солнцем, здоровенный, почти двухметровый парень, в общем-то, симпатичный, но... Крепкие квадратные плечи, рельефные бицепсы, трицепсы, грудные, дельтовидные, широчайшие и прочие мышцы утопают в безразмерной гимнастерке, плотные ляжки потерялись в галифе, паскудно обезображенную голову венчает огромная пилотка, налезающая на уши. Складки под ремнем не подобраны, сам ремень - затянут, крючок на воротнике застегнут. Короче, человек полностью готов к труду и обороне.

Полторацкий до армии армией не интересовался. Солдатские байки своих великовозрастных сотоварищей пропускал мимо ушей, с военнослужащими контактов не имел (уроки НВП – не в счет), фильмов и телепередач, посвященных армии и флоту, не смотрел из принципа, печатной

продукцией аналогичной тематики решительно пренебрегал. К стыду своему (а может – и к гордости) он не различал даже воинских званий, не представлял воинской иерархии частей и подразделений. Вот и поступил Игорь в распоряжение министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Соколова С.Л. совсем-совсем зеленым – как в прямом, так и в переносном смысле.

Кто такой Владимир Ильич Ленин?

Иногда в учебке было весело, и даже очень. Вот, например, самое первое политзанятие. Командир-преподаватель 57-го учебного взвода капитан-инженер Синявский по кличке "Кощей" вызывает к доске рядового Якшиликова. На доске висят две большие политические карты – мира и СССР. "Якшиликов, покажи Советский Союз". Якшиликов лезет в Северную Америку, рыскает по Магрибу, смещается в сторону Бангладеш, сползает по маршруту Индонезия-Австралия-Тасмания-Новая Зеландия и останавливается на Антарктиде. Кончик стальной указки, переделанной из рапиры (ею Синявский частенько прохаживался по рукам, спинам и задницам нерадивых курсантов) останавливается на береговом шельфе Земли королевы Мод.

– Нашел? – спокойно вопрошают Синявский, тяжелым взглядом подавляя позывы смеха, наметившиеся у личного состава взвода.

– Нашел, таващ капитан, – радостно извещает непросвещенный Якшиликов.

– Переходи к соседней карте. Вот это – Советский Союз. Все это, серым цветом – это не СССР, а цветное – это СССР. Понял?

– Понял, таващ капитан!

– Покажи границу СССР.

Якшиликов чертит указкой спираль. В центре спирали – город Новосибирск.

– Якшиликов, а ты вообще-то знаешь, что такое граница?

– Нет, таващ капитан!

– А что такое Советский Союз?

– Таки тошно, таващ капитан!

– Скажи, будь любезен.

– Это ...страна.

– Правильно. А Узбекистан родной знаешь?

– Знаю.

– Отлично! Вот Узбекистан, вот Ташкент, вот Фергана, вот Маргилан. Покажи, где примерно находится твой родной кишлак. Читать умеешь?

– Таки тошно, таващ капитан!

– Ищи кишлак.

Якшиликов ищет, но увы, не находит.

– Ладно, Якшиликов, не мучайся, отойди от карты. Задаю тебе два легких вопроса. Ответишь – значит, будем считать, что ты у нас политически грамотный. Итак, кто такой Владимир Ильич Ленин?

– Это... Это...

– Последний вопрос. Кто у нас в стране, в Советском Союзе, самый-самый главный?

– Это...Рузметов Салим Кабирович!

– Вот те на! Кто такой Рузметов?

– Это...раис... колхоз!

– Садись Якшиликов, пять баллов!

(К слову сказать, Якшиликов до самого конца своего пребывания в учебке думал, что находится совсем недалеко от своего кишлака. Что ж, его заблуждение объяснимо. Во-первых, здесь так же жарко, а во-вторых, всю их боевую команду везли из Ферганы, откуда призывался Якшиликов, до приволжского города, где находится учебка, на самолете. Якшиликов, первый раз в жизни летевший по воздуху, сразу же после набора высоты сладостно задремал, а проснулся уже перед самой посадкой. Таким образом, расстояние между Узбекистаном и Средней Волгой в сознании Якшиликова было совершенно минимальным).

Полковник Попов

Еще случай. Командиром части был полковник Попов. Невысокий такой мужчина, худощавый, чернявый, смуглый. В учебке его очень уважали и боялись. Никогда товарищ полковник голоса не повышал. Курсантов он практически не трогал, да это было и не нужно. Затюканые солдатики, завидев сразу шесть больших звезд ($3 \times 2 = 6$), моментально впадали в состояние оцепенения и застывали в позе под названием «отдание воинской чести старшему начальнику на месте». Мурыжить и без того замотанных курсантов полковник, видимо, считал ниже своего достоинства. А вот офицеров, прaporщиков и сержантов долбал почем зря. Излюбленным наказанием Попова была не губа, не наряды, и не выговоры - он карал устными предупреждениями. «Капитан Фролов, я делаю вам первое предупреждение». Допустим, злосчастный Фролов проштрафился и во второй раз. Аналогично: «Делаю вам второе предупреждение». И вот, наконец, третье нарушение. Попов вообще ничего не говорит, а вызывает начальника строевой части и приказывает: «Откомандировать капитана Фролова в распоряжение генерал-майора Гордеева с сопроводительным письмом». И бедный Фролов едет к генералу Гордееву (начальнику инженерно-авиационной службы армии ПВО), а тот, заранее получив крайне негативную аттестацию, затыкает капитаном Фроловым самую глухую и беспроблемную дыру в своем обширном хозяйстве. Примерно то же самое происходит и с нерадивыми прaporщиками. А с сержантами все гораздо проще - их Попов за залеты своей властью безжалостно списывает в боевые

полки. Это – худшее из наказаний: в полках с чрезвычайно чванливых и борзых учебкинских сержантов сбивают спесь в течение считанных минут.

И вот в один прекрасный вечер Попов заступает ответственным офицером части и приходит в казарму пятой роты. Рота - на вечерней прогулке (горланит песни и мочалит ефрейторским шагом булыжник по периметру учебки), в казарме только внутренний наряд - дежурный по роте курсант Чатов и свободный дневальный Костаки (оба - греки из Причерноморья). Возле ближайшей койки полковник останавливается и откидывает матрас с одеялом. На подматраснике - скомканые и грязные носки. Грубейшее нарушение устава и соответствующих инструкций! Попов указывает пальцем на позорные носки: «Выкинуть!» Костаки тихо по-гречески говорит: «Это мои носки». Чатов по-гречески отвечает: «Пока спрячь, а когда этот придурок уйдет, положишь на место».

Далее события развиваются несколько неожиданно. Отказавшись от дальнейшего осмотра казармы, полковник Попов приглашает дневального и дежурного в Ленинскую комнату. Стены Ленкомнаты пятой учебной роты никогда еще не слышали такого отборного греческого, турецкого, армянского и русского мата. Исчерпав свои интернациональные словарные запасы, полковник Попов запальчиво объяснил умирающим от страха курсантам, что он чистокровный грек родом из-под Туапсе, и что настоящая фамилия его Попидис, и что весь их разговор он понял как нельзя лучше, и что поступать так, как поступили они, его земляки, которыми он, по идеи, должен гордиться, очень даже неправильно.

Расстались земляки почти друзьями.

В грязь лицом

История номер три произошла при непосредственном участии Игоря. Дело было во внутреннем карауле. Диспозиция – начкар, помначкар, пятнадцать караульных, двое разводящих, пять постов. Вооружение – карабины СКС образца 1943 года – тяжелые и грубые, как дубины. В принципе – охранять в этом карауле нечего, незачем, да и не от кого. Но не будем забывать – в учебке все действия имеют скорее не практический, а дидактический смысл. Курсанты учатся нести караульную службу и поэтому все армейские условности воспринимаются здесь всерьез. Скажем, какая реальная значимость у внутреннего поста номер один? Да, название у него громкое – склад артиллерийского вооружения, но что там внутри? Лафеты, расчененные корпуса списанных зениток, стволы, имитационные болванки, инертные боеголовки. Склад металломола – так было бы вернее. И все же денно и нощно возле закрытой и опечатанной двери бдит часовой, регулярно, через каждые 3-4 часа, проверяет при смене печати разводящий, регулярно, через 3-4 часа проверяют несение караула командир роты, от которой выслан наряд, дежурный по части, ответственный офицер, и также регулярно, но уже через день-другой прaporщика Багаутдинова срывают с его насиженного места в любимой каптерке и он, сломя голову, несется обновлять оплавившие

от жаркого солнца пластилиновые печати, ибо в противном случае вновь заступающий в караул взвод отказывается принимать пост.

Полторацкого, как толкового солдата, капитан Синявский назначил первым разводящим. В его ведение на ближайшие сутки вошли три поста - пресловутый оклад артвооружения, солдатская чайная и автопарк. Расшифруем понятие «толковый солдат». Полторацкий первым во взводе выучил наизусть все положенное главы Устава гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил СССР. Буквально сразу же после ознакомления с увлекательной книжонкой Игорь начал шпарить наизусть с любого указанного места – с соблюдением строчности и пунктуации, как будто диктовал машинистке: "Часовому запрещается двоеточие абзац... отправлять естественные надобности точка с запятой абзац принимать от кого бы ни было и передавать кому бы ни было какие-либо предметы точка с запятой абзац иметь при себе курительные и зажигательные принадлежности точка с запятой абзац"... и так далее.

Синявский, пораженный памятью Игоря и пренебрегший изdevательским оттенком цитирования, поручил уникуму ознакомиться с разделами, касающимися деятельности разводящего. Через полчаса Гоша отрапортовал все заданное с поразительной точностью. Еще через час Игорь доложил командиру обязанности начкара и помначкара, выученные им в порядке личной инициативы. Естественно, судьба Игорька в ближайшем карауле была решена – он стал разводящим.

В караульном помещении было гулко, пусто и противно. Жрать было совершенно нечего (салаги в силу отсутствия опыта в этом отношении не озабочились). Изрядно выспавшись между сменами часовых, Полторацкий мечтал о женщинах. Месяц солдатчины, а стало быть, воздержания, давал о себе знать. Несмотря на тяготы и лишения воинской службы, несмотря на усилия майора медицинской службы Шведова и лошадиные дозы брома, которые он вбухивал в общекурсантский котел обеденного киселя по вторникам, четвергам и субботам, естественное половое влечение у военнослужащих не пропадало, а у Игоря, по его мнению, даже усилилось. По крайней мере, всю последнюю неделю ему еженощно снились сцены бурного группового секса.

Вот и сейчас Полторацкого обуревали злокачественные думы. Он мысленно перебрал женщин, работавших в части, прощупывая их на сексуальную пригодность и уверенно остановился на штабной машинистке Ирочеке Малышевой - высокой стройной блондинке, ходившей в джинсах и открытых блузках, пахнущей приличными духами.

Мечты мечтами, но тем временем в караульное помещение вошел Синявский (он - начальник караула), помначкар сержант Миков, а с ними – ценный гость и большой начальник – подполковник Черняк, заместитель командира части по тылу, в данном случае – ответственный офицер, проверяющий несение караула.

Полторацкий встал по стойке "смирно":

– Почему не спиши? – добродушно осведомился толстенький и кругленький Черняк (все в части знают, что он – первый гад в учебке, но сегодня, видимо, у него приличное настроение).

– Так... служба, товарищ подполковник!

– Молодец, солдат! Ты кто?

– Первый разводящий рядовой Полторацкий!

– Ясненько. Ну что, помначар, пойдем посты проверим. Здесь, Синявский я вижу, все в порядке.

Кэп залился багровой краской смущения и гордости. Полторацкий дернул из стойки свой карабин.

– Ты куда?

– С вами, товарищ подполковник!

– А зачем? Мы уж как-нибудь сами. А ты, сынок, лучше поспи, или лучше устав подучи. Вот так.

Военные ушли. Полторацкий решил последовать совету подполковника (в первой его части), но как следует поспать ему не удалось. Минут через десять Игоря столкнул с топчана капитан Синявский.

– Давай быстрее, едрена матрена! Караул, в ружье! Шипицын, за пульт! Бодрствующая смена, за мной!

– В чем дело, товарищ капитан? – спросил на бегу Полторацкий.

– Вызов со второго поста!

На втором посту (автопарк) взгляду запыхавшихся караульщиков предсталася интересная сцена. На расстоянии нескольких метров от постового грибка, под которым стоял с карабином наперевес часовой (рядовой Гусаров), в луже, вниз головой лежали Миков и Черняк. Миков молча сплевывал воду, Черняк громко матерился.

Синявский рванулся к лежавшим, но тут подал свой веский голос рядовой Гусаров:

– Стой, кто идет?

Синявский застыл:

– Я, капитан Синявский! Гусаров, кончай комедию!

Голос из лужи (Черняк):

– Синявский, убей гада, оторви ему голову! Я его, суку, уморщу, я его в дисбате сгною!

– Молчать в луже! Начкар, осветить лицо!

– Гусаров, ты что, е...лся?

– Осветить лицо! Без разговоров!

– Бл..., да нету у меня фонаря! Кончай,... твою мать, гондон ты рваный!

– Молчать! Предупреждаю последний раз: еще одно слово, и ляжете на землю за оскорбление часового! Где разводящий?

– Саня, я здесь, – подал голос Полторацкий, потрясенный увиденным и услышанным.

– Разводящий ко мне, остальные на месте!

Гоша подошел. Гусаров отдал честь, доложил, как положено. Игорь собрался было подать отбой лежащим, но передумал. Пусть немного еще освежается душной ночью.

– Рядовой Гусаров, что произошло на посту?

– Подошли двое. Я дал команду. Они ответили. Я приказал помнажкару осветить лицо. Он сказал, что нет фонаря. Разводящего тоже нет, а кругом темно, как у негра в жопе. Вот я и приказал им лечь на землю и ползти на расстояние семи метров, как в уставе сказано. Они матерятся, кричат: "Не выпендривайся!" Ну, я тогда снял карабин с предохранителя, взвел затвор. Тогда они подчинились.

– Да вы чего там базарите? Я вас обоих, пидарасов, расстреляю! Вы, бл..., суки, долго нам тут лежать? - не унимался Черняк.

Игорь милостиво разрешил военнопленным встать. Синявский дал Черняку свой платок и ринулся отряхивать грязную и намокшую подполковничью одежду. Черняк с матом отверг помощь, и всю обратную дорогу к караулке сладострастно возвещал, какому наказанию подвергнутся пидоры Миков (за то, что не взял с собой фонарь), Синявский и Полторацкий, а также (особенно жестокому наказанию) самый злостный пидор – часовой третьей смены второго поста рядовой Гусаров.

Когда Черняк выговорился, Игорь поделился своим видением ситуации:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу подполковнику. Товарищ подполковник, извините, но вы не правы, а вот рядовой Гусаров абсолютно прав. Он действовал строго по уставу - УГ и КС, статья 80. Предлагаю объявить ему благодарность за бдительность на посту.

Черняк резко повернул голову, несколько секунд, хлопая короткими ресницами, смотрел на Игоря, потом негромко, в последний раз, матюкнулся и поплелся в штаб - чиститься и сушиться. Обещанного им наказания не последовало.

Леха и швабра

...Об учебке можно вспоминать долго. Вот, скажем, характерный момент – капитан Синявский любил давать курсантам самые неподходящие кликухи (в основном, технического свойства) "Курсант Чупринин, ты у нас будешь "Гидропривод", курсант Туров, ты будешь "Краскопульт", курсант Дубков, а вот ты будешь "Плунжерный насос!". Далее Синявский морщит нос и в раздумчивости бормочет: "В каждом приличном взводе обязательно должен быть свой "Штуцер". Кто у нас будет "Штуцер"? Это должен быть образцовый солдат, отличник боевой и политической подготовки. О, нашел! Курсант Манаенко, ты будешь "Штуцер"!»

– Я не хочу быть "Штуцером", товарищ капитан! – протестует Манаенко.

– Удавлю гада! Сядь и не рыпайся, "Штуцер"!

Заместителем командира 57 взвода (замком) был старший сержант Леха Горохов - невысокий худощавый паренек с непомерно большими грудными мышцами (он накачивал их денно и нощно). Леха имел обыкновение сопровождать воспитательную работу с курсантами увесистыми тычками в солнечное сплетение (аккурат район третьей пуговицы на гимнастерке), за что во взводе его, мягко говоря, недолюбливали. Потом Горохов глупо залетел. За несанкционированное распитие спирта в санчасти полковник Попов Горохова наказал и разжаловал, но по причине скорого дембеля сослал не в боевой полк, а во взвод обеспечения, самым обычным рядовым солдатом.

Буквально через два дня взвод Полторацкого прибыл на помывку в баню. Переодеваясь в новое белье, Игорь обнаружил, что в раздевалке маячит Горохов, фигурируя в качестве дневального по бане. Естественно, прибирать за своими вчерашними подопечными экс-сержант не собирался и потому самовольно назначил себе в помощники самого забитого курсанта. Курсант по старой памяти беспрекословно подчинился, но здесь вмешался Гоша.

– Леха, ты чего это посторонних бойцов припахиваешь?

Леха сделал вид, что не услышал, повернулся к Игорю спиной и торопливо зашептал курсанту: "Давай-давай, быстрей!"

Тогда Игорек взял швабру и похлопал Леху до плечу. Горохов осторожно повернулся. Гоша миролюбиво протянул ему швабру:

– Смотрите, товарищ рядовой - пол грязный, слякотный, заплеванный и засранный. Ваша задача - чтобы пол стал чистым. Выполняйте.

Леха тупо взирал на пол.

– Вы игнорируете мое предложение? Тогда я вам сейчас начищу морду, в смысле - харю. А потом глаз на жопу натяну, и скажу, что так и было. А потом яйца оторву, на нос повешу и скажу, что так и было. Ну!

Леха очнулся от забытья и мелкими шажками, скользя по мокрой кафельной плитке, быстро пошел на выход. Игорь прицелился и метнул швабру в удаляющегося Горохова. Сваренная из двух поперечных железных трубок, с навернутой на нее огромной грязной тряпкой, швабра увесисто хряпнула Леху по спине и со звоном упала на пол.

Приключения «луноходов»

Игорю осталось служить в ШМАСе совсем немного. Призвался он первого июня одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года (в день защиты детей), в учебку прибыл третьего июня, присягу принял двадцатого. Незаметно пролетели июль, август и сентябрь, а в середине октября - уже выпускные экзамены, затем - распределение и отправка в полки. Как говорил незабвенный Синявский: "Щеглы, дрочите жопу - вас ждут боевые полки". Кэп, отмечая в своей записной книжке штрафников, выдавал смачные комментарии: "Молодец, боец, очки набираешь. Еще парочку-другую очков наберешь, и я тебя, сынок, отправлю, на Амдерму-2, к белым медведям! Там

здраво - одиннадцать месяцев зима, остальное - лето. Стричься не надо - все равно лысым ходишь от радиации. Одним словом, на Новую Землю тебя, дурака, к е...й матери!"

Надо сказать, что подобный агитпроп оказывал сильное воздействие. Ближе к распределению расслабившийся и «понявший службу» взвод подтянулся – «курсанты повернулись к службе лицом, а не жопой» (выражение капитана Синявского). Только Игорь не хотел расставаться с вольностями.

Впрочем, мы немного забежали вперед. До распределения произошел еще целый ряд примечательных событий. Например, чем не событие - наряд по кухне? В последний свой кухонный наряд Полторацкий записался на самую непыльную работу – начальником команды "космонавтов". Это значит вот что. Для нормальной работы кухни необходимо время от времени вывозить оттуда пищевые отходы. Баки с отходами водружаются на тележку, называемую "луноходом" и откатываются на свинарник - на "Луну". Поэтому команда отвозчиков пищи и называется "космонавтами", или "луноходами".

Для повышения общественной значимости своей новой профессии Гоша, неравнодушный к английскому языку, назвал свою команду "мунуокерс", а себя - "мунуокерс чиф". Поразмыслив, он решил облагодетельствовать таким образом и других своих коллег. Так на свет божий родились новые звучные термины: "грэндхоллеры" (рабочие большого зала солдатской столовой), "уотермены" (мойщики посуды), "китчен-хелперы" (помощники поваров), "фудкэрриеры" (доставщики продуктов со склада) и даже совсем уж экзотические "дэйстэндеры" (дневальные на входе в столовую).

Разобравшись с классификацией, Гоша позволил себе расслабиться. Бойцы споро управлялись с огромными пищевыми баками, а Полторацкий плотно поевший и нашедший пристанище в овощном цехе, отрабатывал взаимодействие щеки с ладошкой.

Бесконечно долго спать нельзя. Вот и Гоша, наконец, проснулся, ополоснул лицо и вышел проверить своих подопечных. «Космонавты» отправлялись в очередную экспедицию.

– Мужики, а вы чего через взвод обеспечения не едете? Так же короче.
– Да какая разница?
– А ну, поворачивай оглобли!

Пришлось сконфуженным "мунуокерам" объяснять своему "чифу", что старослужащие из взвода обеспечения запретили «луноходам» возить дурно пахнущую и грохочущую телегу мимо их окон.

– Это наглый произвол, коллеги. Властью, данной мне свыше, это противозаконное вето отменяю. Поехали.

Пустившихся было рысью «космонавтов» Гоша попридержал. Телега проплыла мимо двухэтажной казармы взвода обеспечения медленно и величественно (нагло и вызывающе).

На скрип и вой несмазанных тележных подшипников из казармы вышли трое солдат.

- Эй, уроды, вы что, хреново всосали?
 - Это вы нам, товарищи? - откликнулся Гоша.
 - Длинный, иди сюда.
- Игорь с готовностью подошел.
- Слушаю вас внимательно!
 - Тащи свою колымагу обратно!
 - Рубикон перейден, господа, назад дороги нет!
 - А вот я тебе сейчас хлебальник раскрою, фуфло поганое!

Обидную фразу произнес самый крупный военнослужащий. С него же Гоша и начал, определив мерой пресечения легкий пинок в пах. Остальных двух Игорь выщелкнул с двух рук, словно шашки при игре в "Чапаева", а затем вернулся к первому оппоненту, пребывавшего в позе вопросительного знака, и несколько раз окунул голову здоровяка в чан с помоями. Солдат мотал головой, мычал и отплевывался.

- Осторожнее, братуха, брызги летят. Ну, все, оздоровительная процедура закончена!

Гоша выпер руки о китель дедушки, развернул его на 180 градусов и пнул под задницу. Старичок пропахал носом гравий и лег на землю рядом с двумя своими товарищами. "Луноход" пошел дальше.

Гоша против свинтуса

«Луна», как положено, четко делилась на две части - видимую и обратную. То есть, снаружи - аккуратная свиноферма, крытая шифером, а внутри - грязные, неухоженные, изъеденные болячками свиньи, утопающие в говне загончики, вонь и дикий гвалт.

Тварей с розовыми пятаками Полторацкий невзлюбил с первого взгляда. Человек сугубо городской, Игорь до сих пор вплотную со свиньями не сталкивался. И вот, пожалуйста, - приятное знакомство состоялось. Игорь брезгливо вошел в вонючее помещение. Хавроньи вели себя безобразно. Почуяв приближение кормежки, они взвыли, будто бы их собирались не потчевать, а резать. Грязнущий хряк лежал на куче навоза в индивидуальном загоне и копытом лениво шлепал по жидкой вонючей слякоти, разбрызгивая дермо по всему помещению. Густая капля неаппетитной субстанции едва не попала Игорю в физиономию. Полторацкий обиделся, принес с улицы камней и принялся бомбардировать кабана. Игорь метил в пятак и вскоре угодил точно в цель. Боров взревел, как сирена боевой тревоги, вскочил на ноги и принялся оскорбленно хрюкать.

Тут началась раздача пищи. О, в какой содом сразу превратилась ферма! Свиньи выли, орали, вопили, толкались, грызли друг друга, лезли на загородку. Полторацкого чуть не стошило, и он вышел на свежий воздух. Во дворе развлекались курсанты. Поставив перед здоровущим боровом бачок с пищеотходами, "космонавты" с разбега пинали его сапогами в жирный зад.

- Чем это вы здесь страдаете?
- Игра такая - кто этого говноеда с места сдвинет, тот и выиграл.

– Ну и чего?

– Не сдвигается, гадюка, стоит как вкопанный. Он, когда жрет, бесчувственный.

– Тем не менее, сейчас мы его попробуем побеспокоить.

Гоша разбежался и с размаха ткнул любителя пожрать в отвислый зад. Зад оказался на удивление твердым, Игорину ногу отшибло, а хрюша даже не пикнул.

– А ты, оказывается, чувицло, крепкий орешек. Но все равно я тебя расколю!

Игорь предпринял вторую попытку. На этот раз он взял более длинный разбег и пнул уже не одной, а двумя ногами. Эффект оказался прежним.

– Да, мужики, дело гиблое. Просто так его не сдвинешь. Надо применить технические средства – вот, например, подходящий кувалдометр.

– Да брось, Игорь, ты ему сейчас хребтину переломаешь - отвечай потом!

– Не ссыте, пацаны. Будет инвалидом первой группы - харчи без очереди. Чем плохо?

Полторацкий размахнулся и врезал пудовой кувалдой по спине несчастного животного. Вопреки тревожным ожиданиям, хряк всего-навсего просел, болтнул задницей, обиженно вякнул и отошел на пару шагов. Возможно, отошел обжора только потому, что в бачке закончился хавчик, но это не помешало победителю громко возрадоваться.

– Ура! Наша взяла! Решающий матч «Гоша против свинтуса» состоялся, счёт 1:0 в нашу пользу!

Светлана Павловна

Мы уже знаем, что Гоша страдал от одиночества. Днем было еще терпимо, а по ночам Гошу мучили самые настоящие эротические кошмары. Виртуально-сексуальные вакханалии начального периода службы прекратились, но зато начались мучительные, изматывающие сновидения, когда до желаемого коитуса оставался всего один шаг, один миг, одно движение, но... но желаемое так и оставалось недосягаемым во сне, так же, как Ирочка Малышева – наяву.

Ирочка теперь стала часто сниться Игорю как символ его «полового бессилия». Однажды Игорь увидел совсем уж гнусный сон - на прекрасную голую Ирочку лез майор Малышев (законный супруг), тоже голый, но с надетой на голову офицерской фуражкой. Тьфу!

Конечно же, Гоша не был половым гигантом или сексуальным маньяком. Он был просто здоровым и красивым парнем, рано начавшим половую жизнь и до армии трахавший девчонок регулярно, без долгих пауз и драматических коллизий. И вот сейчас эта практика жестоко мстила за себя. Конечно, выручал вынужденный онанизм, и были еще кое-какие выходы из положения. Скажем, в соседней роте одуревший от длительного воздержания курсант Гумбариձե взял и трамбонул во время несения кухонного наряда

повариху тетю Аню – женщину весьма средних лет. Ну и что? Повариха пожаловалась ротному, тот – прокурору, завертелось дело, и Гумбариձe загремел на три годочка в дисбат (это еще повезло парню).

Гоша в дисбат не хотел, а от другого варианта отказался сам. Вот как это произошло.

В конце июля Гоша оказался в санчасти с диагнозом "эпидермофития" (говоря попросту, подхватил в бане грибок, поселившийся между пальцами ступни). Три дня Гоша лечился (нога без сапога заживала быстро), а еще три дня просто отдыхал. Как-то ночью Гоша мирно почивал в белой больничной коечке. Неожиданно его растолкали.

- Чего надо?

- Тише, Игорь. Это я, Светлана Павловна. Я тут генеральную уборку затеяла в процедурной. Но там шкаф очень тяжелый, не сдвигается. Помоги, пожалуйста.

Светлана Павловна работала медсестрой в санчасти. Было ей далеко за сорок, но выглядела она вполне прилично, разве что была полновата. Сегодня она была на ночном дежурстве.

Игорь, чертыхаясь про себя (дура-баба, спать не дает), прошел вслед за медсестрой в процедурную. Пропустив Игоря вперед, Светлана Павловна защелкнула дверь на шингалет, сняла с себя белый халат и осталась совершенно голой. Гоша изумленно смотрел на бледное тело. Женщина подошла поближе.

- Ты что, испугался? Ну, смелее! Обними меня!

Гоша послушно обнял Светлану Павловну. Та, закатив глаза, крепко прижала его к себе, дотянулась до губ Полторацкого и поцеловала взасос. Губы у Светланы Павловны оказались мягкими, ищущими, влажными.

У Гоши помутнело в голове. Светлана Павловна повлекла Игоря к диванчику. У диванчика Светлана Павловна вновь впилась губами в рот Синодского, потом стала целовать его волосатую грудь, одновременно стаскивая трусы.

- Подождите, я сам.

Гоша снял трусы и положил их на табуретку. Светлана Павловна прижалась к Игорю, запустила руку в его промежность и принялась безостановочно теребить Игорин член, который, в отличие от его обладателя, реагировал на происходящее гораздо адекватнее.

- Обними меня. Крепче, крепче. Ну что ты такой робкий? Неужели мальчик? Ну что ж, в первый раз – это первый класс! Я тебя научу, не бойся.

Игорь постепенно возбуждался. "Сейчас я тебе покажу, какой я мальчик!" Медсестра отлепилась от Игоря и встала, чтобы выключить свет. Этих нескольких секунд хватило Игорю, чтобы увидеть у Светланы Павловны:

- дряблую, обвисшую грудь;
- круглый и рыхлый живот;
- оплывшую талию;

- тяжелый бугристый зад;
- короткие кривоватые ноги с жирными бедрами и толстыми лодыжками;
- тронутое морщинами лицо женщины, "бывшей в употреблении";
- короткую некрасивую шею;
- начавшие редеть волосы, собранные заколкой в пучок, на манер учительницы средней школы.

Игорь привык иметь дело со стройными, красивыми молодыми девчонками. А здесь...

- Игорек, ложись. Не бойся, я тебе помогу, научу всему-всему. У тебя получится. Ну, ложись, не заставляй тетю ждать.

Игорь молча надел трусы, отпер дверь и прошел к себе в палату. Повалившись в койку, он сразу же заснул.

Наутро Гоша попытался проанализировать свое ночное поведение. Как же так - сексуально озабочен, а на бабу не полез? А вот так! Игорь с удовлетворением отметил, что врожденная брезгливость и разборчивость не отказали ему и здесь, в суровых армейских условиях. «Нет, на таких у меня член не встает. А, кроме того, вдруг бы она меня потом застучала? Кто знает, что у этих б...й на уме? Вот у Гумбарида вроде тоже сначала все было по согласию, а потом...». Гоша решил, что поступил правильно.

Как бороться с депрессией

Теперь немного о гарнизонном карауле. Из учебки посылались наряды на два гарнизонных караула - большой и малый. В большом было пять постов, начкаром ставился командир взвода, помначкаром – сержант. А в маленьком карауле было всего два поста, начкаром назначался прапорщик (только не старшина роты, тот освобожден от всех нарядов), а помначкаром и одновременно первым и единственным разводящим - курсант. В 57-м взводе эта должность была зарезервирована за Полторацким.

В карауле - лафа. Во-первых, ценна сама возможность вырваться из ограниченного пространства учебки, во-вторых, очень существенно моральное отдохновение - ни тебе начальства, ни мозгокрутки. Целые сутки на вольном воздухе (а дело происходит летом и ранней теплой осенью), с запасом продуктов (салаги быстро понимают службу и готовятся к караулу тщательно) - чем не жизнь? Проверки здесь редки - это тебе не внутренний караул на территории учебки, где каждая сволочь считает своим долгом проверить несение службы, а чужой прапор в качестве начальника практически не в счет. Живи и радуйся, спи и ешь до отвала.

Итак, караул. Крытая бортовая машина везет курсантов от комендатуры, где происходит развод, к месту несения караула. Ребята сидят на скамейках и, открыв рты, слушают рассказ Полторацкого - близкое к тексту переложение романа Джозефа Хеллера "Уловка-22". Машина идет мимо городского парка, на минуту останавливается у светофора, и... взгляд Гоши застывает. Курсанты оборачиваются в ту сторону, куда неотрывно и

завороженно смотрит Гоша. А смотрит он на девушку, стоящую у ограды городского парка. И это не просто девушка, это красавица! Это блондинка, золотистая блондинка с роскошными, блистающими на солнце волосами! А лицо! Голубые глаза, точеный нос, алый рот, смуглай кожа - ой, невозможнo! Девушка одета в снежно-белый комбинезон, на ногах – белые туфли на высоком каблуке. Девушка явно кого-то ждет. Она глядит на часы, нервничает, кусает губы. Какой-то хам, недостойный этой богини, опаздывает на свидание.

Гоше мучительно захотелось выпрыгнуть из машины, подойти к девушке, взять ее за руку, сказать: "Ты ждешь меня, ты - моя!" Но... машина дернулась, резко рванула с места, Гоша покачнулся и ударился лбом о карабин. Боль напомнила ему, кто он такой есть в настоящее время.

Короче говоря, в караул Гоша приехал в состоянии глубокой душевой депрессии. Он безучастно ковылял по территории поста, принимая от старого разводящего печати, пломбы, замки, двери, сигнальные лампочки.

– Эй, братан, ты спиши, что ли? - вывел Игоря из забытья голос разводящего. - Смотри, вон там, на территории поста - рыбаки. Вообще-то им здесь находиться категорически запрещено, но не стрелять же. Так что обрати особое внимание.

- А почему они ловят рыбу именно на территории поста? Им что, остальной реки мало?

- Да говорят, здесь заводь глубокая, а в других местах - мелководье. Рыбаки, в основном, здешние пропора и офицеры. Тут же часть кадрированная - склады и прочая чухня. Сразу после обеда куски переодеваются в гражданку, обувают резиновые сапоги и ловят себе на уху.

- Да они просто опухли, сволочи! Чего ты их с поста не прогонишь?

- А как я их прогоню?

- Смотри сюда, и не говори, что не видел!

Полторацкий прищуренным глазом оглядел ландшафт. Рыбаков было человек двадцать. Все они преспокойно удили рыбу, не обращая внимания на вооруженных солдат.

- Эй, рыбаки, приказываю вам сматывать удочки!

- Заткнись, воин, всю рыбу распугаешь!

- Товарищи военнослужащие! Даю вам минуту на то, чтобы слизнуть!

В ответ - мат. Никто не двигается с места. Гоша смотрит на часы, затем стаскивает карабин с плеча.

- Предупреждаю в последний раз - через пятнадцать секунд открываю огонь!

- Эй, придурок, в жопу засунь свое ружжо! - на берегу от души смеются.

Гоша снимает карабин с предохранителя. Щелчок. Хорошо. Гоша передергивает затворную раму. Громкий щелчок и лязг. Еще лучше. Никто из рыбаков даже не шевелится. Совсем прекрасно.

Пятнадцать секунд прошли. Карабин готов к бою, патрон - в патроннике. Полторацкий тоже готов к бою. Он уже присмотрел себе первую жертву - толстого краснолицего бугая со спиннингом в руке. "Одним куском на свете будет меньше - от этого мир точно не перевернется. Ну, а мне похрену: я действую по уставу, разводящий - свидетель".

- Ну, все, молитесь, грешники!

Гоша вскинул карабин и начал прицеливаться в краснорожего. Так, прapor на мушке, палец на спусковом крючке - медленно выбирает свободный ход.

- Мужики, а ведь он не шутит! Убьет же, чурка! - взрываетя истошным криком толстяк. - Эй, ты, не стреляй, слышишь? Опусти карабин, падла!

Гоша сосредоточенно ловит на мушку мечущегося толстяка. Толстяк,бросив спиннинг, убегает первым, с трудом продравшись через колючую проволоку заграждения. Остальные бегут за ним. Рыбаки в лодках выгребают за территорию поста.

Игорь разрядил карабин, поставил его на предохранитель, закинул за спину.

- Понял, как это делается? - подмигнул он старому разводящему. - Пошли дальше!

Игорь бодро принял охраняемый объект и приступил к несению караульной службы. От депрессии не осталось и следа.

Жертва хлорпикрина

Под самый занавес пребывания Игоря в учебке ШМАСовское начальство решило устроить учения по противохимической обороне. На футбольном поле поставили специальную палатку, в которую начальник химслужбы ШМАСа капитан Львов накачал изрядное количество удушливого хлорпикрина.

Львов был колоритной личностью. Огромный толстый мужчина, вечно ходивший в подтянутых на живот штанах, носивший толстенные очки в роговой оправе, Львов выделялся на фоне других офицеров учебки, скроенных, в основном, по усредненному шаблону. Начхим был ужасный циник. Он любил долго и смачно распространяться по поводу кошмарных свойств отравляющих веществ. Покрываясь испариной от удовольствия, Львов с большим мастерством изображал корчи пораженных синильной кислотой, имитировал удушье и кашель, которые наступают у человека после заражения газом CS, с ужасными гримасами расчесывал воображаемые язвы и нарыва, вызванные воздействием зарина и зомана. Кроме того, начхим своеобразно, с массой антигуманных подробностей, рассказывал о том, как необходимо пользоваться индивидуальными противохимическими средствами:

- Вытаскиваем из коробочки тюбик-шприц, хотим повернуть колпачок, а там его нет – сп...дили братья до казарме, ха-ха-ха! Ну, допустим, что не

сп...дили, а случайно забыли это сделать. Итак, поворачиваем колпачок, делаем инъекцию, но она, конечно же, не помогает, ха-ха-ха! А почему не помогает? Да потому что концентрация газов слишком велика, и значит, вас уже можно оттаскивать к Аллаху, ха-ха-ха! Вот так, раздолбай, нужно пользоваться индивидуальными защитными комплектами!

Львов любил вспоминать, как во время его курсантства в высшем училище химзащиты на полигоне произошло ЧП: "Надышались ребятишки V-газами, народ прибежал, а тех уже можно оттаскивать - все отделение накрылось, ха-ха-ха!"

Особым коñком капитана Львова была тема применения химических веществ в боевых условиях. "Зря мы эти конвенции подписали, талдычим все время - Женева, Женева... Сейчас химики - первое дело на войне! Распылил на приличной высоте - и половина Америки уже у Аллаха, ха-ха-ха! Или взять Афган. Если хотим с душманами скорее покончить, без химии нам не обойтись! Вот если, скажем, душманы в ущелье заползли - ну как их оттуда без тяжелых газов выкуришь? Да никак. А самое эффективное средство - аэрозоль инертного газа и взрывчатка. Накачал в ущелье, поджег - и объемный взрыв! Кого в клочки не разнесло, того смело можно оттаскивать, ха-ха-ха!"

И еще один штрих: добродушный капитан Львов очень любил ставить двойки в журнал. Он ставил их в огромном количестве, целыми рядами, ставил за любое неточное слово курсанта.

Возвратимся к футбольному полю и химпалатке. Курсантов решили загонять в нее группами по пять человек и держать там одну минуту. Итого - за час должна успеть пройти вся рота, за время от завтрака до обеда - вся учебка. Капитан Львов лично проверял правильность одевания средств индивидуальной противохимической защиты, наличие во всех противогазах клапанов (во время учебных тревог и занятий, когда курсантам приходится много бегать в противогазах, клапаны из них безжалостно удаляются).

Гоша и четверо его коллег зашли в затемненную палатку, по которой низом стлался какой-то дымок. Утонув сапогами в сизоватом тумане, у выхода из палатки стоял как изваяние капитан Львов. Газы не ощущались - противогаз был плотно пригнан и действовал отлично. Гоша даже подумал, что никаких газов вообще нет, просто напустили в палатку дыма и пугают, как сопляков пугают Бабаем.

- Внимание, товарищи курсанты, - подал голос Львов, - слушай вводную: у противогаза порвана соединительная трубка! Действуйте!

Гоша, набрав в легкие воздуха и затаив дыхание, стал, не торопясь, отвинчивать резиновый гофрированный шланг. Отвинтил. Засунул трубку в подсумок. Теперь надо прикрутить бачок к шлем-маске и можно снова дышать. Но бачок почему-то не прикручивался. Гоша начал злиться. Бачок упорно не шел на место. Воздуха не хватало. Гоша, потеряв бдительность, хватанул ртом воздух.

Будто тошнотворным уксусом обожгло грудь Полторацкого. Он мгновенно покрылся холодным потом, инстинктивно присел на корточки, но

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru